

ГЕНРИ УИЛЬЯМСОН

ВЫДРА ПО ИМЕНИ ТАРКА

*Ее радостная жизнь
и ее смерть в долине Двух Рек*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
У36

Серия «Эксклюзивная классика»

Henry Williamson

TARKA THE OTTER

His Joyful Water Life and Death in the Country
of the Two Rivers

Перевод с английского Г. Островской

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Уильямсон, Генри.

У36 Выдра по имени Тарка / Генри Уильямсон ;
[перевод с английского Г. Островской]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-182655-0

Это трогательная история жизни выдры по имени Тарка в долине Двух Рек. Под присмотром матери Тарка и его сестры готовятся к самостоятельной жизни: они учатся плавать, добывать пищу и распознавать опасности. Но детство быстро заканчивается... Теперь ему предстоит в одиночку исследовать окрестности, чтобы пережить суровую зиму. Однако существует еще большая угроза: местные охотники с собаками ведут постоянную охоту...

«Выдра по имени Тарка» — не просто история о жизни одного животного. Это удивительный мир дикой природы глазами ее обитателей, это история о выживании, дружбе и красоте мира...

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© Henry Williamson, 1927

© Перевод. Г. Островская, наследники, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-182655-0

*Памяти Уильяма Генри Роджерса,
эсквайра, бывшего наставника в Итоне
и ловчего Черитонской охоты*

ГОД ПЕРВЫЙ

1

Сумерки над лугами и водами, мерцание вечерней звезды за холмом, «кра-аррк» Старого Нога — цапли, влекомой темно-серыми крыльями к устью реки. Белое расплывчатое пятно над сухим тростником вдоль берега — сова-сипуха; она только что вылетела из-под среднего пролета каменного моста, там, где некогда была протока.

Ниже Протокового моста на подмытом берегу росло двенадцать больших деревьев. Когда-то их было тринадцать — одиннадцать дубов и два ясеня, — но дубу, за которым восходит Полярная звезда, не везло с рождения, с того самого дня, как из набухшего черного желудя, занесенного на берег паводком более трехсот лет назад, проклюнулся светло-зеленый крючок. На втором году жизни проросток попал под копыто вола, раздавившего два ржаво-красных листочка, и молодой дубок стал расти вкривь. Расщелина на разветвлении принимала в себя дожди в течение двух веков, пока вода, скованная морозом в ледяной клин, не расколола ствол; непогоды последующего столетия выдолбили в стволе дупло, а разливы каждую весну вымывали из-под дуба землю и камни. И вот однажды дождливой ночью, когда лосось и кумжа поднима-

лись от моря навстречу бурному коричневому потоку, дерево вдруг застонало. Стоны раскачивающегося ствола эхом отозвались в корнях; полевки в страхе покинули свои подземные жилища. Дерево противостояло ударам ветра до самого рассвета, но, когда на земле наступило наконец затишье, оно издало громкий крик, спугнувший сову с насиженного места, и с первым лучом солнца упало в реку.

Потом вода отступила, плавник, застрявший на ветках, отметил верхнюю границу половодья. Река медленно текла через заводь, отсвечивая под чистым зеленым небом. У дальнего конца заводи она огромной, с брызгами звезд на когтях, лапой охватывала небольшой остров, где росла одинокая плакучая ива. На подходах к острову течение незаметно убыстрялось, волны с ропотом били о камни, стремительными струйками накатывались на мели. Миновав остров, река неслась сверкающим потоком меж заросших ольшанником и ивняком берегов. За излучиной она еще ускоряла свой бег, мелодично журча на перекатах из нагроможденных паводком камней, и наконец, утратив веселый нрав, погружалась в глухое молчание соленых глубин моря. Топкие в низовьях берега были прорезаны дренажными канавами. Каждые двенадцать часов море подходило к рукаву чуть ниже Полупенсового моста — миг лёта для Старого Нога, — а сизигийные приливы облизывали откосы до самой излучины. Вода тут же уходила вспять, ибо море здесь не знает покоя.

Упавшее дерево чернело в тускло мерцающей Лососьей заводи. Над лугами бесшумно подни-

мался туман, белый, точно пушистая бахрома на совиных крыльях. С тех пор как стерлись последние тени, он полз сюда из леса за мельничной протокой, донося своим дыханием ароматы дня, когда пролеска и первоцвет сгибались под тяжестью пчел. Теперь пчелы спали, лишь мыши шныряли среди цветов. Туман стлался над прошлогодней листвой — бесшумный и светлый дух вод, издревле наполнявших широкое некогда речное русло; говорят, что в стародавние времена морские приливы покрывали всю эту низину и римские галеры подходили к самым холмам.

По стенкам выемки, оставшейся на берегу, к ломаным корням дуба текли струйки земли. Это трудились полевки: чистили ходы, рыли новые шахты и штольни, отгрызая мешавшие корешки. Их услышала выдра, свернувшаяся клубком в сухой верхней части дупла, и, встряхнувшись, встала на короткие ноги. Через проделанную дятлом дыру высоко над головой она видела чуть различимые светлые точки — созвездие Большого Пса. Выдра была голодна. Она лежала в дупле с полудня, изредка судорожно подрагивая во сне.

Сова опустилась на торчащий вверх сук, когти ее царапнули по коре. Выдра выглянула наружу, и сова, ушные отверстия которой были не меньше кошачьих, услышала легкое прикосновение ее усов к стенке дупла. Однако прислушивалась сова к другому — шороху листьев под лапками мышей. Уловив эти едва различимые звуки, она до тех пор всматривалась, пока не заметила движенья; тогда с пронзительным и зловещим криком, от которо-

го мышь в страхе припала к земле, сова ринулась вниз и схватила свою добычу. Выдра лишь мельком взглянула на сову: все ее пять чувств были направлены на то, чтобы обнаружить врага.

Она замерла на месте. Шерсть на спине поднялась дыбом. Длинный хвост напрягся. Двигался лишь нос, впитывая запахи, принесенные туманом из леса. К аромату цветов, тоже неприятному для нее, примешивался дух, заставивший ее мгновенно насторожиться. Сердце учащенно забилось — она была готова бежать или сражаться, если не будет иного выхода. Ни для одной выдры из тех, что кочевали, охотились и играли в долине Двух Рек, не было более страшного запаха, чем этот — запах Капкана, огромной пятнистой гончей с залиvistым ревом, вожака стаи, загнавшего десятки выдр, о чем говорили зарубки, сделанные не на одном охотничьем коле.

Нашу выдру гнали нынче утром. Когда она перебегала перекат, Капкан схватил ее зубами за голову, оставив длинные борозды на шерсти. Ловчий велел отогнать собак, увидев, что выдра беременна, и она уплыла вниз по течению и спряталась в дупле омываемого рекой ствола.

Туман унесло к морю. Удары ее сердца замедлились: она быстро успокаивалась. Выдра погрузила голову и плечи в воду, задержала дыхание и замерла, прижав для устойчивости длинный, толстый, заостренный хвост к шершавой коре. Она выслеживала рыбу. Даже полевки, вновь выглянувшие из норок, не услышали, как выдра скользнула в воду.

Ее темный силуэт возник вверху перевернутого конуса света и был замечен форелью, которая

стояла, шевеля плавниками и хвостом, позади затонувшей ветки. Спускаясь к каменистому дну, выдра углядела блеск чешуи, когда рыба уходила зигзагом к себе в пещерку. Выдра была в шести футах под поверхностью; на этой глубине ее глаза, не выступавшие над короткой шерстью, улавливали малейшее движение в воде, пронизанной звездным светом. Она различала предметы на расстоянии, равном четырем длинам ее тела, но за этими пределами все скрывалось во мраке, так как водное зеркало отражало изнутри темное ложе реки. Выдра плыла вслед за форелью над водорослями, обыскивая каждый валун. Она хорошо ориентировалась в Лососьеи заводи. В подводной охоте ее острый нюх был бесполезен, ведь дышать она там не могла.

Выдра заглядывала за камни, всматривалась в каждую выемку на берегу. Она плыла не спеша, медленно и спокойно отталкиваясь от воды крепкими задними лапами с плавательными перепонками между пальцев, используя хвост в качестве руля, когда ей требовалось подняться, опуститься или повернуть в сторону. Она нашла рыбу под корнем ясения; когда та, пытаясь скрыться, метнулась у нее над головой, выдра отпрянула назад и вбок и схватила рыбу зубами. В бухточке на берегу, истоптанном копытами скота, приходящего сюда на водопой, она с хрустом сожрала свою добычу, придерживая ее передними лапами и наклонив голову набок. Она съела рыбу до самого хвоста, бросила его на лепешку грязи, упавшей с коровьего копыта, и только принялась пить, как из-под Протокового моста до нее доле-

тел призывный свист. Тонкий, резкий, звучный, он разносился далеко вокруг. Выдра радостно отозвалась — ведь звал самец, с которым она спарилась два месяца назад. Он последовал за ней от запруды, привлеченный запахом в ее отпечатках на промоинах и на выдриной тропе, которая пересекала заливной луг между двумя излучинами. Самец плыл под водой, виден был только нос, разрезавший гладь реки, спокойной в эту безветренную ночь.

Но вот прямая струя закрутилась воронкой. Стоявшая на берегу выдриха услышала, как ноздри с шипеньем втянули воздух, и нос скрылся. Она тут же скользнула в воду, не подняв ни малейшей зыби. Самец учуял рыбу.

На поверхности заводи стали всплывать пузырьки; две серебряные цепочки разматывались звено за звеном вверх по реке. В двадцати ярдах от воронки, где все еще кружились меж темных ветвей со звездья, показалась плоская голова с тупой мордой и свирепо торчащими усами и снова скрылась — выдра перевернулась так плавно, что лишь чуть-чуть всколыхнула концы воздушных цепей. Для вдоха понадобилось всего полсекунды.

Пузырьки, каждый величиной с плод боярышника, выходя из ноздрей, пробегали по морде и шее и гроздьями поднимались вверх — самец плыл, прижав к груди передние ноги. Поближе к мосту пузыри стали с чернильный орешек — самец заметил рыбу и пустил в ход все четыре перепончатые лапы. Дорожка опять закончилась воронкой у окаймленных водорослями каменных устоев моста, а между быками среднего пролета стремительно пронеслась

легкая водяная стрела: проходная кумжа, эта морская форель, ушла на глубину всего в трех дюймах от сомкнувшихся челюстей выдры.

На реке снова наступила тишина, лишь журчала вода среди камней и корневищ. Старый Ног спустился на землю возле дренажной канавы позади дамбы, двумя милями ниже Полупенсового моста. У скирды сена сова только что поймала вторую полевку и проглотила ее целиком, как и первую, пойманную пятью минутами раньше.

Там, где в дальнем конце заводи река цепкой лапой обнимала валуны, кумжа вынырнула из воды, спасаясь от своего злейшего врага. Она упала боком на плоские камни, дернулась разок всем телом и застыла — лишь поднимались и опадали жабры. В тот же миг выдра-самец был рядом. Подняв нос, он втягивал ноздрями воздух; от реки несло тонкое, прерывистое, сердитое «гиррк-гиррк-гиррк» — угроза самки. Она подбежала к рыбе, выхватила ее у самца и принялась есть.

Пока она ела, разрывая мясо и с хрустом разгрызая кости, самец играл камешком; только когда самка отвернулась от объединенной рыбы, он подошел к ней с приветственным «так-а-так» и лизнул в морду. Ее узкая нижняя челюсть опустилась в широком зевке, открыв белые острые «собачьи» зубы, загнутые назад, чтобы удобнее было удерживать рыбу. Зевок означал, что она довольна. Плывя сюда, самец уже успел поймать и съесть кумжу и теперь был готов поиграть, но самка не последовала за ним в воду. Она почувствовала толчки в животе и повернула прочь от реки.

Выдриха миновала место, куда приходил на водопой скот, пересекла ивняк и, выбежав на луг, стала искать сухую траву и мох под боярышником у мельничной протоки и овечью шерсть, застрявшую на колючках разросшейся куманики. Вскоре она набрала полную пасть и вернулась к реке. Отталкиваясь одними задними лапами, поплыла к упавшему дубу, забралась на выступ коры под дуплом и заползла внутрь. В двух ярдах от входа разбросала свою ношу по древесной трухе и вновь поплыла, теперь за сухим темно-серым прошлогодним тростником; она откусывала стебель за стеблем, то и дело останавливаясь и сторожко прислушиваясь. После трех-четырех рейсов нырнула под воду и принялась плавать взад и вперед вдоль берега в поисках форели; хлопая хвостом, выгнала из-под камней несколько гольцов, притаившихся на мелководье. Время от времени выдриха отвечала на свист самца, но она так торопилась устроить гнездо, что перестала охотиться, хотя все еще была голодна, и побежала через пойму к пруду, где рос широколистный рогоз. По пути она неожиданно вспугнула крольчонка, убила его двумя укусами за ухом и съела, от нетерпения раздирая на куски. Позднее, ночью, неуклюжий барсук в поисках червяков и улиток нашел голову крольчонка, лапки и шкурку и сжевал их до конца.

Луна поднялась за два часа до рассвета; светлая рябь на воде обрадовала выдриху — ведь она была молода, — и, позвав самца нежным, как звук флейты, свистом, она поплыла против течения к высокому арочному мосту и спряталась среди веток

и прутьев, нанесенных половодьем на нос каменного волнолома. Здесь самец ее и нашел, но, пока он карабкался наверх, самка нырнула и поспешила под пролетом к нижнему концу волнолома; она встретила с самцом морда к морде в лабиринте воздушных пузырьков и тут же повернула обратно. Они играли так с полчаса, переворачиваясь на спину боковым махом хвоста и ни разу не коснувшись друг друга, хотя в своем круговом танце каждый раз чуть не сталкивались носами. Это была старая-престарая игра, она доставляла им наслаждение, но вызвала голод, поэтому они отправились на охоту за лягушками и угрями в дренажную канаву на заливном лугу.

Здесь они потревожили Старого Нога, который обозревал одно из своих многочисленных рыбных угодий, разбросанных по долине. «Крак!» Хлопая крыльями, он взлетел перед ними, бороздя воду длинными, тонкими зелеными пальцами. Выдры охотились в канаве, пока луна не стала совсем прозрачной, затем вернулись к реке. Поиграли еще немного, но в лесу мягкими, низкими, гортанными голосами уже начали переговариваться галки, выискивая в перьях паразитов. Запел жаворонок. Самец свернул на восток и побежал по выдриной тропе, проторенной задолго до того, как у острова Плакучей ивы сделали запруду для мельницы. Его нора была на берегу мельничного пруда.

Выдриха, лениво распластавшись всем телом, отдалась течению, и оно понесло ее над отмелями и покрытыми рябью плесами к убежищу Дуплистого дуба. В то время как она, забравшись в гнездо,

вылизывала себя, в дальней деревне запели петухи. Умывшись, выдра уместилась поудобнее, свернулась, положила морду на хвост и уснула.

Восходящее солнце посеребрило туман, окутавший луг густой пеленой, над которой виднелись лишь спины и головы коров и волов. Проплыла сова, широко раскинув мягкие крылья. Сова парила над туманом, сама легкая, как туман; солнце высвечивало белоснежные перья на груди и под крыльями, зажигало золотом желто-серую спинку. Она подлетела под средний пролет моста и, зацепившись когтями, втиснулась в одну из ниш, оставленных в каменной кладке. Весь день она простояла среди мышинных костей, часто помаргивая глазами, порой зевая. В сумерки сова отправилась вниз по течению на правый берег реки и, усевшись на той же самой ветке упавшего дуба, защелкала клювом, подзывая своего дружка, дневавшего в амбаре неподалеку от деревни.

Сова вновь улетела, крылья спокойными взмахами несли ее вниз, в поля, на гибель мышам; но выдра так и не покинула дупла. Инстинкты, служившие ей до сих пор, были притушены странным, глубоко затаенным чувством, тлеющим у нее в глазах. Она лежала на боку, время от времени все ее тело пронизывала боль. Ей было страшно. Песня реки, бегущей мимо островка Плакучей ивы, прокралась в убежище и успокоила ее; тихий свист самца за мостом был ей поддержкой и ободрением.

Когда тусклый свет луны, истощенной, как перезимовавшая птица, просочился сквозь облака, повторявшийся раз за разом зов самца замолк. Но

выдре было все равно, она больше не нуждалась в поддержке. Она прислушивалась к другим звукам — слабому мяукающему писку, и стоило ей его услышать, как она поворачивала шею и нежно облизывала языком головку, которая была меньше, чем ее лапа.

Весь следующий день и ночь и еще один день выдра лежала, свернувшись в клубок, обогревая своим теплом трех слепых выдрят, но под вечер, когда над холмами еще не погасло зарево заката, она скользнула в воду и стала рыскать вдоль берега, поглядывая вверх то налево, то направо, то вновь налево. Что-то блеснуло в темноте! Спина выдры выгнулась горбом, она поджала под себя задние лапы и, оттолкнувшись, рванулась вперед; над спиной извилистыми струйками потекли большие воздушные пузыри — она двигалась лишь чуть-чуть медленнее, чем в прошлый раз, когда гналась за форелью. Хвост, всего на треть короче тела, более двух дюймов в толщину у основания, помогал ей поворачиваться так быстро, что она с легкостью схватила рыбу, мелькнувшую над головой.

На мелководье выдра жадно принялась есть, заглатывая едва прожеванные куски и угрожающе «гирркая» на тени. Чуть утолив жажду несколькими торопливыми глотками, тут же опять нырнула в воду, поймала угря, сожрала все, кроме головы, и вернулась в убежище. Но она все еще была голодна и опять оставила детенышей. Взбежав на берег, поднялась на задние ноги и встала торчком, ловя носом воздух. Из лесу доносилось пронзительное стрекотанье черных дроздов, бранивших